

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «НАБРОСКАХ ПРЕДИСЛОВИЯ» ПУШКИНА К «БОРИСУ ГОДУНОВУ»

В новом академическом издании непосредственно после текста «Бориса Годунова» напечатаны семь черновых прозаических набросков под общим редакторским заглавием «<Наброски предисловия к “Борису Годунову”>» (АПСС. Т. 7. С. 93–96):

<1> «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...»;

<2> «С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет “Бориса Годунова”...»;

<3> «<С> отвращением решаюсь я выдать в свет [сво<ю><?>] <трагедию>...»;

<4> «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...»;

<5> «Je me présente ayant renoncé <à> ma manière première...»;

<6> «Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne...»;

<7> «Pour une préface. Le public et la critique ayant accueilli...».

История публикации этих набросков изложена в комментариях М. Н. Виролайнен (см.: АПСС. Т. 7. С. 717–719), и мы не будем здесь повторять ее в деталях. Для нас имеет значение то, что долгое время они являлись частью большего по объему корпуса пушкинских текстов, предположительно имеющих какое-то отношение к замыслу предисловия к «Борису Годунову» и объединенных достаточно нейтральным редакторским заглавием «Заметки о Борисе Годунове». Заглавие «<Наброски предисловия к “Борису Годунову”>» вошло в исследовательский и издательский обиход с 1931 года¹ и не было оправдано составом заметок, куда входили также тексты, которые никак не могли трактоваться как наброски собственно предисловия, — два черновых письма к Н. Н. Раевскому-младшему от второй половины июля (после 19-го) 1825 и 30 января или 30 июня 1829 года,² письмо, начинающееся словами «Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе “Годунова”...», которое, как считается, Пушкин предполагал напечатать в 1828 году в «Московском вестнике», и отрывок из «<Опровержения на критики>». В вы-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 5. С. 510 (Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 г.).

² К вопросу о вероятной датировке этого письма мы вернемся ниже.

шедшем в 1949 году одиннадцатом томе («Критика и публицистика. 1819—1834») так называемого «большого» академического издания эти четыре текста, как имеющие самостоятельное значение, были выведены из состава набросков. Новое издание, «усовершенствовав» решение «большого» академического в подаче текстов,³ перенесло семь небольших отрывков в том драматургии, тем самым окончательно закрепив именно за ними статус свидетельства, что Пушкин действительно предпринимал попытки написать предисловие к своей трагедии.⁴

Так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, нам представляется необходимым рассмотреть все высказывания Пушкина о своей трагедии и о драматических принципах, которыми он руководствовался при ее создании в их взаимной связи и в связи с издательской историей «Бориса Годунова», уточнить вероятные датировки разных набросков и, исходя из сделанных наблюдений, попытаться точнее определить их «прагматику».

Особое место в истории интересующих нас текстов принадлежит Николаю Николаевичу Раевскому (1801—1843), сыну известного генерала Н. Н. Раевского (1771—1829) и другу Пушкина еще с лицейских лет поэта, адресату посвящения к поэме «Кавказский пленник» (1822), исторической элегии «Андрей Шенье» (1825) и двух пространных французских писем, в которых обсуждается драматическая система «Бориса Годунова». Пушкин поделился с Раевским своим новым замыслом задолго до завершения работы над трагедией, весной 1825 года. На ответное письмо Раевского от 10 мая 1825 года, где Раевский выражал уверенность, что Пушкину «будет суждено проложить дорогу и национальному театру», и предсказывал «огромное значение» его трагедии для русской литературы (XIII, 172, 535; ориг. по-франц.), Пушкин, в свою очередь, отвечал во второй половине июля (после 19-го) — августе 1825 года (XIII, 196—198, 540—542; ориг. по-франц.).

³ Кроме незначительных уточнений в чтении, исправлена одна несомненная ошибка издания, где набросок <1> напечатан в корпусе как продолжение наброска <4> (примечания к тому соответствуют подаче текстов в основном корпусе, в разделе «Другие редакции, планы, варианты» наброски разделены). Кроме того, отвергнута историческая заметка «<О Гавриле Григорьевиче Пушкине>», введенная в дополнение к корпусу набросков в Справочном томе (XVII, 61—62).

⁴ Автор настоящей статьи, являвшийся контрольным рецензентом тома драматических произведений Пушкина в новом издании, ни в коей мере не снимает с себя долю ответственности за принятые там решения.

В этом письме Пушкина к Раевскому, оставшемся неоконченным и неотправленным,⁵ затронуто несколько принципиальных теоретических литературных проблем: «правдоподобия», исключающегося «самой природой драматического произведения»; драматического характера и объемности шекспировских характеров в противопоставлении однолинейным характерам в драмах Байрона; «правдивости диалога», предполагающей свободную смену стилистических регистров.

Уже на примере этого письма видна характерная «диффузность» пушкинских черновых текстов. Так, тем же временем, что и письмо к Раевскому (летом 1825 года), датируется набросок «<О трагедии>» («Из всех родов сочинений самые (*invraisemblables*) неправдоподобные сочинения драматические, а из сочинений драматических — трагедии...») (XI, 39).⁶ Можно предположить, что этот набросок, вероятно связанный с чтением «Курса драматической литературы» А. В. Шлегеля (*Cours de littérature dramatique*. Paris; Genève, 1814),⁷ предшествовал письму к Раевскому. В свою очередь, рассуждения о байроновских характерах перешли из письма в написанные позднее отрывки «<О драмах Байрона>» («Английские критики оспаривали у лорда Байрона драматический талант...», 1827) и «<О трагедии Олина "Корсер">» («Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма "Корсар"...», 1828) (см.: XI, 51, 64–65).

Оборвавшийся в 1825 году эпистолярный диалог Пушкина с Раевским о «Борисе Годунове» должен был продолжиться спустя четыре года при их личной встрече.⁸ 13 июня 1829 года Пушкин прибыл в лагерь русской армии при Карсе и поселился в палатке Раевского. Друзья тесно общались до 10 июля — дня отъезда Раевского в Тифлис.⁹

⁵ Об этом свидетельствует то, что большой фрагмент этого письма был впоследствии близко повторен во втором письме Пушкина к Раевскому.

⁶ В первом издании Академии наук этот набросок был напечатан дважды: сначала П. О. Морозовым в ряду других мелких заметок о «Борисе Годунове» в примечаниях к тексту трагедии, затем Н. К. Козминным как самостоятельный критический отрывок (см.: *Пушкин А. С. Соч.* Пг., 1916. Т. 4. С. 144–145; Л., 1928. Т. 9, кн. 1. С. 8–9).

⁷ См.: *Пушкинская энциклопедия: Произведения*. СПб., 2017. Вып. 3: Л—О. С. 480–481 (статья Н. А. Дроздова).

⁸ Никаких свидетельств об эпистолярном общении Пушкина с Раевским между 1825 и 1829 годами нет.

⁹ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т.* М., 1999. Т. 3. С. 65–77.

В числе читавшихся Пушкиным произведений, по воспоминаниям М. В. Юзефовича, был и «Борис Годунов», но знакомство Раевского с трагедией, по-видимому, ограничилось тогда отдельными сценами.¹⁰

19 июля Пушкин записывает в своей «Арзумской» рабочей тетради (ПД 841, л. 12) набросок <2>. Вполне естественно предположить, что вернуться к обсуждению на письме судьбы «Бориса Годунова» и проблем преобразования русской драматической системы Пушкина побудили именно разговоры с Раевским. При этом первая же фраза наброска («С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет “Бориса Годунова”» — АПСС. Т. 7. С. 93) выглядит совершенно неуместной в предисловии. Равно, впрочем, как и вторая («Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы» — Там же), из которой следует, что неуспех «Бориса Годунова» будет для Пушкина лишь свидетельством незрелости русского литературного сознания.¹¹ Не годясь для начала предисловия, набросок очень похож на начало частного письма, вероятным адресатом которого в данной ситуации, по нашему мнению, должен быть признан Раевский.

С почти буквального повторения той же «неудобной» для предисловия фразы начинается и набросок <3>, который кроме нее содержит и другой пассаж, вряд ли уместный в обращении к широкой публике: «Тр<агедия> моя уже известна почти всем, коих мнениями я дорожу» (АПСС. Т. 7. С. 94). П. В. Анненков при первой публикации обозначил этот набросок как «черновое письмо неизвестно к кому».¹² Тесная связь между набросками <2> и <3> вполне очевидна. В. В. Гиппиус поместил набросок <2> не в основной корпус, а в раздел «Другие редакции, планы, варианты» как первоначальный вариант наброска <3> (XI, 383), Б. В. Томашевский и Ю. Г. Оксман также печатали

¹⁰ Из второго пушкинского письма к Раевскому прямо следует, что адресат не знаком с трагедией в целом.

¹¹ В новом академическом издании неверно указано, что набросок был впервые напечатан в 5-м томе издания П. А. Ефремова 1878—1881 гг. (см.: АПСС. Т. 7. С. 721). Первым его публикатором был П. В. Анненков, считавший, что набросок выражает «основную мысль, которую должно было развить будущее предисловие к “Борису Годунову”», но определивший происхождение и назначение наброска следующим образом: «После долгих рассуждений с приятелями он опять еще пишет для себя в Арзуме...» (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 217).

¹² Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 132.

его в разделе «Из ранних редакций».¹³ По своего рода «преемственности» с наброском <2> набросок <3>, соответственно, должен датироваться временем после 19 июля 1829 года. Нижняя граница его датировки неясна. Он написан на отдельном листке (ПД 112), на котором также находится черновой набросок двух стихов, относящихся к работе над стихотворением «Кавказ». По визуальному впечатлению, записи на листе появились примерно в одно время. Сам Пушкин датировал «Кавказ» 1829 годом.¹⁴ Перебеленный с правкой автограф стихотворения «Кавказ» с датой «20 сентября», опубликованный в 1908 году Н. О. Лернером и ныне утраченный,¹⁵ датируется болдинской осенью 1830 года.¹⁶ Это, однако, не дает нам оснований для датировки автографа ПД 112 тем же временем:¹⁷ осенью 1830 года Пушкин дорабатывал написанные ранее стихотворения, выставляя в автографе именно болдинскую дату доработки.¹⁸ Во всяком случае, набросок

¹³ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 630 (то же решение во всех переизданиях десятитомника под редакцией Б. В. Томашевского); *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 431.

¹⁴ В списке стихотворений, предназначенных для издания, сентября 1831 г. (ПД 716) (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1997. Т. 17 (доп.): *Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев.* 2-е изд., перераб. С. 197), в цензурной рукописи третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (ПД 420, л. 3 об.) (см.: *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание.* М.; Л., 1937. С. 169), в третьей части «Стихотворений Александра Пушкина», вышедшей в 1832 г.

¹⁵ *Лернер Н. О.* Неизданные стихи Пушкина // *Весы.* 1908. № 3. С. 57–60.

¹⁶ На этом же листе, согласно свидетельству Лернера, находился автограф написанного в Болдине стихотворения «Труд».

¹⁷ Как это сделано в издании пушкинских болдинских рукописей (см.: *Болдинские рукописи Пушкина 1830 года: Научное описание / Сост. Т. И. Красноробордыко и С. Б. Федотова.* СПб., 2021. С. 36–37 (Временник Пушкинской комиссии. Вып. 35)).

¹⁸ См. дату «7 сентября» в болдинском автографе стихотворения «Делибаш», также написанном в 1829 году, и двойную помету («1824 / Мих<айловское>»; «Болд<ино>. 7 сент<ября>») под текстом стихотворения «Аквилон» (ПД 126) (см.: *Болдинские рукописи Пушкина 1830 года.* С. 32–34). Ср. датировку Т. Г. Цявловской стихотворения «Кавказ»: «Датируется 24 мая — декабрем 1829 г.; отделано, согласно помете в автографе, 20 сентября 1830 г.» (III, 1196). В описании рукописей Пушкина, хранящихся в Пушкинском Доме, Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского автограф ПД 112 датирован 1829 годом (см.: *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме.* С. 47; исследователи посчитали дату «20 сентября» в болдинском автографе «Кавказа» перешедшей из несохранившегося раннего чернового автографа).

<3> предшествовал по времени наброску <4>, в котором те же пушкинские мысли получили дальнейшее развитие.

<2> С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет «Бориса Годунова». Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму — и чтоб она тем самым не замедлила хода — (АПСС. Т. 7. С. 93).

<3> <С> [**<величай>**шим] отвращением¹⁹ решаюсь я выдать в свет [**сво<ю><?>**] <трагедию>, и хотя я вообще всегда был довольно равнодушен <к> успех<у> иль неудач<е> своих сочинений, но, признаюсь, неудача «Бориса Годунова» будет мне чувствител<ьна>, а я в ней почти уверен (АПСС. Т. 7. С. 93).

<4> Долго не мог я решиться напечатать свою драму. Хоро<ший> иль худой успех моих стихот<в>о<рени>й, благосклонное или строгое решение журналов о какой-нибудь стихотворной повести доныне слабо тревожили мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его, читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения. — И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы il est indifférent²⁰, что такая-то глава «Онеги<на>» выше или ниже другой. Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены (АПСС. Т. 7. С. 94).

Процитированные Пушкиным в наброске <3> слова Монтеня («Как Монтань, могу сказать о своем сочине<нии>: *C'est une oeuvre de bonne foi*»²¹ — АПСС. Т. 7. С. 93) также в скрытом виде перешли в набросок <4> («По крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны». — АПСС. Т. 7. С. 94).

Набросок <4> находится в тетради ПД 839 (л. 45—47 об.), первая часть которой (до л. 44 включительно) занята беловой рукописью «Полтавы», с которой печаталось отдельное издание поэмы 1829 года. Следовательно, он не мог быть написан ранее

¹⁹ Край листа с началом первой строки оборван, но дает возможность восстановить текст.

²⁰ безразлично (франц.).

²¹ Это добросовестное произведение (франц.).

9—10 ноября 1829 года, времени возвращения Пушкина в Петербург после кавказской поездки,²² поскольку в момент отъезда Пушкина из Петербурга 10 марта 1829 года рукопись находилась еще в типографии («Полтава» вышла из печати 27 или 28 марта 1829 года²³). Набросок <4> — единственная черновая запись, появившаяся в тетради непосредственно после автографа «Полтавы». Остальные делались с обратной стороны тетради (в перевернутом положении) и начинаются с мая 1830 года.²⁴ Набросок, несомненно, предшествовал им и отделен от них каким-то временным промежутком. Нам кажется вероятным, что он был записан вскоре после того, как Плетнев отдал Пушкину тетрадь, и предположительно может быть отнесен к середине или второй половине ноября 1829 года.

Видеть в этом наброске начало предисловия к печатному изданию трагедии не позволяет его вторая часть, где Пушкин неожиданно переходит к самооправданию в «дворянской спеси»:

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, соп атоте, но [без всякой дворянской спеси]. Изю всех моих подражаний Байро<ну> дворянск<ая> спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет дворянство новое — древнее же пришло в упадок, права <его> уровнены с правами прочих сост<ояний>, великие имения давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже самые потомки и проч. (АПСС. Т. 7. С. 94—95).

Вряд ли можно полагать, что Пушкин собирался выступить с этим рассуждением в печати. К трагедии оно не имеет никакого отношения, но вполне вписывается в контекст недавней встречи с Раевским. М. В. Юзефович вспоминал: «В своем тесном кругу бывали у нас с Пушкиным откровенные споры. Я был ярый спорщик, он тоже. Раевский любил нас подзадоривать и сравливать. Однажды Пушкин коснулся аристократического начала, как необходимого в развитии всех народов; я же щего-

²² См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 3. С. 108.

²³ См.: *Синявский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 61.

²⁴ Два первых текста, записанных в этом положении в конце тетради (перебеленный с правкой автограф стихотворения «Поэт и толпа» и беловой автограф стихотворения «Когда в объятия мои...»), предшествующие записям мая 1830 года, появились там существенно раньше, еще во время работы над беловой рукописью «Полтавы» — в ноябре—декабре 1828 года.

ля тогда демократизмом. Пушкин наконец с жаром воскликнул: «Я не понимаю, как можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тем, что под выборною грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных». Тут Раевский очень смешным сарказмом обдал его, как ушатом воды, и спор наш кончился».²⁵

Некоторые темы рассмотренных коротких набросков оказываются более полно развиты и, так сказать, «теоретизированы» в тексте, традиционно датирующемся 1828 годом и получившем в «большом» академическом издании редакторское заглавие «<Письмо к издателю “Московского вестника”>» («Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе “Годунова”...» — XI, 66–69). В нем речь также идет о преобразовании русской драматической системы, и Пушкин прямо формулирует принципы романтической (шекспировской) драмы, пренебрегающей двумя классическими единствами (места и времени) и строящейся только на единстве действия.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира и принес ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранив последнее. <...> Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системой искусства, оправданной опытами, утвержденной привычк<ою>, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием историч<еских> характеров и событий... (XI, 66–67)

Кроме того, Пушкин заявляет об отказе от единства слога, открывающем дорогу реформе драматического стиха:

...есть единство, о котором фр<анцузская> крит<ика> и не упоминает (вероятно, не предполагая, что можно оспаривать его необходимость), единство слога — сего 4-го необходимого

²⁵ Юзефович М. В. Памяти Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 103. Возможно, воспоминания об этом эпизоде определили появление соответствующей темы и в «<Романе в письмах>». Оправдание «аристократизма» вложено там в уста Владимира, «внука бородатого миллионщика»: «Говоря в пользу аристократии, я не корчу англ<ийского> лорда, [как дипломат Сев<ерин>, внук портного и повара]; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Лабрюером: Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme <Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению — черта смешная в выскочке и низкая в дворянине — франц.>» (VIII, 49, 53, 573).

условия фр<анцузской> трагедии, от которого избавлен театр исп<анский>, англ<ийский> и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный александрийский стих переменял я на пятистопный белый, в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы... (Там же)²⁶

Впрочем, так называемое «<Письмо к издателю “Московского вестника”>» корреспондирует и с другими текстами. Письмо сохранилось в двух автографах — черновом (ПД 298) и белом первых двух абзацев (ПД 299). Перебеленный текст обрывается после вопроса: «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинует-ся законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» (XI, 66). Далее в черновом автографе следует фраза: «Нет ничего смешнее que le changement des règles reçu<es> etc.²⁷» (XI, с. 338). Помета «etc.» позволяет предположить здесь цитирование или переработку какого-то записанного в другом месте фрагмента. Близкая фраза находится в письме к Раевскому 1825 года: «Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues...»²⁸ (XIII, 197). Далее в том же письме Пушкин иронизирует над Альфиери, якобы думавшем перевернуть систему классической трагедии отказом лишь от одного из ее структурных элементов (речей *à parte*). Непонятно, имел ли в виду Пушкин, делая помету «etc.», только это свое замечание или предполагал использовать французский текст 1825 года в большем объеме. Возможно, с возникшими в этот момент затруднениями и была связана остановка в перебелке текста, а после и вообще в его доработке.

Обратимся теперь к еще не рассматривавшемуся нами наброску <1>, начинающемуся словами: «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...»:

²⁶ Ср. в наброске <4>: «Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. <...> Есть шутки грубые, сцены престопадные. Хорошо, если поэт может их избежать, поэту не должно быть площадным из доброй воли — если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным» (АПСС. Т. 7. С. 94).

²⁷ чем перемена принятых правил и проч. (франц.).

²⁸ Нет ничего бесполезнее, на мой взгляд, чем мелкие изменения принятых правил (франц.).

Поэт, живущий на высотах создания, яснее видит, может быть, и недостатки справедливых требований, и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом, Lopez de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку; но гений, какое направление не изберет, останется всегда гений — суд потомства отделит золото, ему принадлежащее, от примеси (АПСС. Т. 7. С. 93).

Читая жаркие споры о романтизме, я вообразила, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. <...> Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угодить ей и следовать духу времени (XI, 66).

В принципе, это сопоставление дополнительно проясняет пушкинскую мысль, с изложения которой начинается «<Письмо к издателю “Московского вестника”>»: русской публике, по видимости, наскучило следование «классическим» (иначе говоря, французским) образцам, публика требует иных ощущений, источники которых находятся в национальной поэзии; чтобы угодить вкусу публики, поэт должен следовать движению времени; этого нельзя достичь мелким изменением принятых донныне чуждых правил, но только радикальным преобразованием устарелых форм и поиском новых, более соответствующих словесности своего народа.

Набросок <1>, написанный на отдельном листе (ПД 1086), не имеет никаких внешних оснований для датировки, но он, как показывает его зачеркнутое начало («Не стану оправдывать правила коими я руководствовался в составлении [сво<ей>] сей трагедии» — АПСС. Т. 7. С. 383), прямо связан с объяснением драматических принципов «Бориса Годунова» и, по всей вероятности, должен, как и наброски <2>, <3> и <4>, предшествовать «<Письму к издателю “Московского вестника”>»: мысль, развитая в нем на примере литературных образцов, переведена Пушкиным в письмо в модус собственной авторской интенции.

Перейдем к последовательности текстов. Датировка «<Письма к издателю “Московского вестника”>» январем—февралем 1828 года (XI, 537) создает некоторое логическое противоречие: более пространный и более обработанный текст предшествует разрозненным черновым наброскам на ту же тему, ни один из которых

не содержит к нему отсылок. Это противоречие снимается, если поставить принятую датировку, равно как и адресацию, под сомнение и предположить обратную хронологическую последовательность пушкинских записей.

Определение письма «Благодарю вас за участие...» как «<Письма к издателю “Московского вестника”>» основано в первую очередь на письме В. П. Титова к М. П. Погодину от 11 февраля 1828 года: «Пушкин (NB. отведя глаза в сторону) сказывал, что позволил перепечатать “Москву”, взбесясь на опечатки “М<осковского> в<естника>”, а господа пчелинцы воспользовались и присовокупили примечание.²⁹ — Он готовит вам письмо о Б<орисе> Годунове; что он мне читал, славно; хочет приготовить еще смешную статью о “Корсаре” и о способе переделывать поэмы в романт<ические> трагедии».³⁰ На наш взгляд, однако, письмо Титова не содержит непреложного указания на уже начатую в этот момент Пушкиным статью, посвященную именно его трагедии. Во-первых, слова «что он мне читал, славно», выделенные точкой с запятой в самостоятельный период, не относятся к упоминаемому ранее «письму», да и трудно представить, чтобы Пушкин стал знакомить Титова с незавершенной статьей. Во-вторых, по справедливому замечанию М. А. Цявловского, возможно, речь идет «об историческом Борисе Годунове, о котором у Пушкина с Погодиным были споры».³¹ Датировка текста, публикуемого как «<Письмо к издателю “Московского вестника”>», началом 1828 года, косвенным образом вроде бы поддерживается бумагой его автографов (№ 104 и 194 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского³²): все сохранившиеся на этих сортах бумаги

²⁹ Речь идет об отрывках из седьмой главы «Евгения Онегина» (строфы XXXVI—XXXVIII и XLIV—LIII под заглавием «Москва»), первоначально опубликованных с ошибками в № 1 «Московского вестника» за 1828 год, а затем перепечатанных в «Северной пчеле» (1828, № 17, 9 февр.) с издательским примечанием, где указывалось на «неприсойные ошибки» напечатавшего их «одного журнала».

³⁰ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 182; Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. Цявловского // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 697. В пушкинских бумагах сохранилась относящаяся к этому времени заметка, печатающаяся в современных изданиях под редакторским заглавием «<О трагедии Олина “Корсер”>» (см. о ней: Пушкинская энциклопедия. Вып. 3. С. 481—483 (статья Е. О. Ларионовой)).

³¹ Пушкин по документам архива М. П. Погодина. С. 697—698.

³² См.: Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 117.

рукописи Пушкина датируются февралем—мартом 1828 года.³³ Но и этот аргумент должен отступить все же перед более сильным — самим содержанием письма.

Дело в том, что фраза, с которой начинается письмо («Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе “Годунова”»: ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда, по стечению благоприятных обстоятельств,³⁴ открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые»), не могла быть написана ранее 1829 года. «Борис Годунов» был запрещен к публикации в декабре 1826 года. Категорически отказавшись идти на любые компромиссы по приспособлению текста к печати, Пушкин два года не предпринимал никаких попыток вернуться к этому вопросу. В начале 1828 года, таким образом, никакой «возможности» напечатать «Годунова» перед Пушкиным не открывалось. «Стечение благоприятных обстоятельств» случилось только в начале 1829 года. Что это были за «непредвиденные» обстоятельства, можно лишь гадать. Вероятно, поэт был обнадежен и прекращением 31 декабря 1828 года, после своего письменного объяснения с царем, следствия по делу о «Гаврилиаде», и ставшим ему известным благожелательным приемом «Полтавы». Так или иначе, уезжая 10 марта из Петербурга, Пушкин передал Жуковскому для снятия чистой копии и повторной подачи в высочайшую цензуру пересмотренный и исправленный текст «Бориса Годунова» и сохранял надежду на публикацию трагедии до 21 января 1830 года, когда рукопись ее была вновь возвращена ему Бенкендорфом с предложением «переменить в оной еще некоторые, слишком тривиальные места» (XIV, 59).³⁵ Письмо «Благодарю вас за участие...», несомненно, относится ко времени между февралем или началом марта 1829 г. — серединой января 1830 г., то есть к тому же хронологическому промежутку, что и мелкие наброски, и, по-видимому, должно быть признано самым поздним из всех рассмотренных нами выше текстов.

³³ Это черновые рукописи статей «<О трагедии Олина “Корсер”>» (ПД 297) и «<Возражение на статью “Атenea”>» (ПД 301) и письма к Е. М. Хитрово от 6 и 10 февраля 1828 года (ПД 492, ПД 493) и к П. А. Осиповой от начала марта 1828 года (ПД 495).

³⁴ В черновом автографе: «непредвиденных и благоприятных обстоятельств» (XI, 336).

³⁵ Историю публикации «Бориса Годунова» см. подробнее: *Ларионова Е. О.* «Борис Годунов»: Проблема критического текста // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 279–302.

В пользу последнего утверждения говорит то, как изменяется от набросков к письму оценка Пушкиным своей трагедии. В наброске <2> Пушкин еще со сдержанным оптимизмом относится к будущему успеху «Бориса Годунова» («Хотя успех “Полтавы” ободряет меня...» — АПСС. Т. 7. С. 93), в наброске <3> — со скепсисом («неудача “Бориса Годунова” будет мне чувствительна», а я в ней почти уверен» — Там же), в письме же о несвоевременности и литературной «неуместности» «Бориса Годунова» говорится как о вопросе практически решенном («Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм» — XI, 67). В набросках Пушкин связывает с успехом или неуспехом трагедии реформу русской сцены и ход романтических преобразований в современной русской литературе («Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были отнесены к романтизму — и чтоб она тем самым не замедлила хода —»; «Но, признаюсь искренно, успех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены» — АПСС. Т. 7. С. 93, 94), в письме отрицается сама возможность этих преобразований («...Я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию»; «Нововведения опасны и, кажется, ненужны» — XI, 67, 68). В набросках речь идет о принятом решении «выдать в свет» «Бориса Годунова», в письме Пушкин уже почти готов отказаться от этого намерения (ср. в черновом автографе: «Ваше нетерпение видеть его напечатанным для меня лестно, но признаться я не думаю так еще скоро выдать в свет мою трагедию» — XI, 336).

Наращение пушкинского пессимизма к концу 1829 года можно, думается, связать с читательской рецепцией «Полтавы», казавшейся Пушкину скорее отрицательной и вызывавшей у него болезненную реакцию. «Полтава», произведение с выраженным драматическим началом, в котором решалась драматургическая по природе задача «развить и объяснить настоящий характер» исторического лица,³⁶ следовавшая «истинному правилу трагедии» — «правдоподобию положений и правдивости диалога»,³⁷ продолжавшая в творчестве Пушкина линию «Бориса Годунова» и свидетельствовавшая о дальнейшем развитии

³⁶ Предисловие Пушкина к отдельному изданию поэмы 1829 г. (V, 335).

³⁷ «La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie» — выражение из письма Пушкина к Раевскому 1825 года (XIII, 197).

пушкинского шекспиризма, рассматривалась критиками и публикой преимущественно в дилемме классицизма и романтизма, приравненного к байронизму ранних пушкинских поэм. Неудача «Полтавы» предсказывал непонимание «Бориса Годунова».³⁸ Возможно также, что именно читательским приемом «Полтавы» вызван в пушкинском письме пассаж, где он отмежевывается от дефиниций, утвердившихся в литературном сознании эпохи: «...какуюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону».³⁹ Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть?» (XI, 66).⁴⁰

Обратимся теперь к предположительному адресату письма. Издатель журнала «Московский вестник» М. П. Погодин мало подходит на эту роль.⁴¹ Было бы странно со стороны Пушкина, во-первых, адресовать слова «Вы читали в 1 кн. “М<осковского> в<естника>” отрывок из “Бор<иса> Год<унова>”, сцену летописца» редактору журнала, эту сцену напечатавшего, во-вторых, жаловаться на то, что никто не понял характер Пимена, «трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании» (XI, 68), и никак не упоминать восторженный отзыв о сцене в «Обзрении русской словесности за 1827-й год» С. П. Шевырева, только что появившийся в № 1 «Московского вестника» за 1828 год.⁴²

³⁸ О шекспиризме «Полтавы» см.: Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4: П–Р. С. 244–246 (статья Е. О. Ларионовой).

³⁹ Далее в черновом автографе следовала фраза, опущенная при переборке: «Ужели невозможно быть истинным поэтом, не будучи ни закослелым классиком, ни фанатическим романтиком?» (XI, 337).

⁴⁰ Последний фрагмент пушкинского письма («Хотите ли знать, что еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применения<м>, намек<ам>, allusions...» и т. д.) также предположительно мог быть вызван «применениями» «Полтавы», читавшейся на фоне декабрьского восстания 1825 года, современных русских побед в Персии и Турции и пушкинских «Стансов» («В надежде славы и добра...», 1826).

⁴¹ Версия, что письмо могло быть адресовано Погодину, кажется, принадлежит Б. А. Модзалевскому (см.: *Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. А. Модзалевского. М.: А., 1928. Т. 2. С. 234*), сохранившему, однако, в своем издании адресацию письма Н. Н. Раевскому (см. ниже).

⁴² «Но всего важнее, всего утешительнее появление сцены из “Бориса Годунова” между Пименом и Григорием, которая сама в себе представляет целое, особое произведение. В тесных границах непродолжительного разговора изображен не только характер летописца, но и вся жизнь его. Это создание есть неотъемлемая собственность поэта, и что еще отраднее — поэта русского, ибо характер Пимена носит на себе благородные черты народности» (цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 35).

Вообще же Пушкин пишет так, словно обращается к человеку, с произведением не знакомому, во всяком случае, не знакомому вполне (тогда как Погодин хорошо знал полный текст).

П. А. Ефремов в издании 1882 года поместил письмо «Благодарю вас за участие...» в корпус переписки, указав на «соотношение» его с письмами к Н. Н. Раевскому 1825 и 1829 годов и высказав мнение, что оно также адресовано Раевскому.⁴³ Эта адресация была впоследствии принята П. О. Морозовым,⁴⁴ В. И. Сантовым в издании «Переписки Пушкина»⁴⁵ и, правда уже с большими оговорками, Б. А. Модзалевским.⁴⁶ Учитывая прослеженный «генезис» письма, нам эта адресация кажется очень вероятной.

Итак, первые четыре из семи так называемых «<Набросков предисловия к «Борису Годунову»>», как нам представляется, не могут быть отнесены к замыслу предисловия к трагедии. Написанные во второй половине 1829 года, они как бы «поглощаются» письмом «Благодарю вас за участие...». Оно, следуя нашим рассуждениям, должно быть датировано серединой — второй половиной ноября 1829 года, исходя из верхней датировки наброска <4> и датировки французских набросков <5> и <6>, к которым мы теперь обратимся.

Два французских наброска (<5> и <6>) записаны в рабочей тетради ПД 842 на листе 4, то есть вскоре после того, как эта тетрадь была заведена Пушкиным после возвращения в Петербург (9 или 10 ноября 1829 года). Наброски записаны не одновременно. Сначала в верхней части листа, в ходе последовательного заполнения тетради, появился <5>; перо и чернила совершенно сходны с за-

⁴³ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. М., 1882. Т. 7. С. 273; то же в двух последующих изданиях под редакцией Ефремова — 1887 и 1903 годов.

⁴⁴ Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 3. С. 247; Т. 7. С. 173–174.

⁴⁵ Пушкин А. С. Соч.: Переписка / Под ред. и с примеч. В. И. Сантова. СПб., 1908. Т. 2. С. 15–22.

⁴⁶ Пушкин А. С. Письма. Т. 2. С. 29–33; 234–235. Модзалевский писал: «Это письмо лишь предположительно можно отнести к Н. Н. Раевскому, как лишь предположительно его можно считать и вообще письмом, а не наброском журнальной статьи в форме письма» (Там же. С. 234). П. А. Ефремов и П. О. Морозов датировали письмо 1827 годом, на основании того что, упоминая № 1 «Московского вестника», Пушкин не указывает года журнала; В. И. Сантов и Б. А. Модзалевский — мартом—апрелем 1827 года (основываясь на ошибочных представлениях о цензурной истории «Бориса Годунова» и произвольном допущении, что «Раевский, бывший тогда на Кавказе, успел прочесть помещенную в 1-м № Московского вестника» (он вышел 1 января) «сцену в келье», а Пушкин успел получить письмо Раевского, написанное по этому поводу, и сбросил на него ответить; в мае же месяца поэт уже сам стал мечтать о поездке на Кавказ к Н. Н. Раевскому» (Там же. С. 234–235).

писями «Медока», открывающего эту тетрадь, и с началом поэмы «<Тазит>» на листе 5. Несколько позднее на свободной части листа был записан набросок <6>. Само их расположение на одном листе друг за другом говорит, однако, что они фиксируют два «приступа» к одному и тому же тексту. В обоих набросках имеются переключки с письмом «Благодарю вас за участие...» (так называемым «<Письмом к издателю “Московского вестника”>»). В наброске <5> Пушкин выражает уверенность, что его новая авторская «манера» не встретит понимания у читателей: «Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. — Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie» (АПСС. Т. 7. С. 95).⁴⁷ Набросок <6> содержит прямое указание на текст письма, выраженное обычной пушкинской пометой «etc.»:

«<Письмо к издателю
“Московского вестника”>»

<6>

С 1820 года будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскутила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей... <...> Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования... <...> ...я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию (XI, 66–67).

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc. — d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur (АПСС. Т. 7. С. 95).⁴⁸

Наброски <5> и <6>, таким образом, видимо, написаны после письма «Благодарю вас за участие...». При этом их вряд ли также

⁴⁷ Я не гонюсь за благосклонностью моды. — Я добровольно покидаю ряды ее любимцев и смиренно благодарю за ту благосклонность, с которой она встречала мои слабые опыты в течение десяти лет моей жизни (франц.).

⁴⁸ Когда я писал эту трагедию, я был один в деревне, никого не видал, читал одни журналы и т. д. — тем охотнее, что я всегда полагал романтизм единственно пригодным для нашей сцены; я убедился, что ошибался (франц.).

можно определить как наброски предисловия к трагедии: набросок <6> завершается утверждением: «J'éprouvais une grande répugnance à livrer au public ma tragédie — je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes. — Mais je trouve tout cela fort inutile» (АПСС. Т. 7. С. 95).⁴⁹ Здесь, кроме французского варианта «неудобной» для предисловия фразы из набросков <2> и <3>, содержится прямой отказ от предисловия. Реконструируя последовательность заполнения тетради ПД 842, Я. Л. Левкович уже высказала предположение, что набросок <6> является заготовкой письма к Н. Н. Раевскому. Однако исследовательница традиционно относила второе французское письмо Пушкина к Раевскому к 1829 году, поэтому набросок <6> получил у нее следующее объяснение: «В 1830 г., решив выпустить трагедию без предисловия, он должен был объяснить — очевидно, тому же Раевскому — свой отказ».⁵⁰ Для иного взгляда на связь этих текстов следует остановиться на втором французском письме Пушкина к Н. Н. Раевскому.

Проблема его датировки связана с невнятной пушкинской пометой под текстом: «1829 / [S. Pб.] 30 j<нрзб>». Таким образом, указание на Санкт-Петербург как место написания зачеркнуто, а месяц написан неразборчиво, возможны чтения: janvier (январь), juin (июнь) или juillet (июль). П. В. Анненков, публикуя впервые это письмо, колебался между январем и июнем 1829 года: «...мы теперь имеем одно только несомненное указание года, а указания места и числа недостает. С равной основательностью можно думать, что Пушкин написал его до отправления в Арзрум, когда он был в Петербурге, или в самом Арзруме, где он находился в июне месяце 1829».⁵¹ В. П. Гаевский, В. И. Срезневский, В. И. Саитов и Б. Л. Модзалевский читали месяц как «janvier» (январь),⁵² в «большом» академическом собрании сочинений была принята двой-

⁴⁹ Я испытывал великое отвращение, оттого что моя трагедия будет представлена публике, — я хотел по крайней мере предварить ее предисловием и сопроводить примечаниями. — Но нахожу все это совершенно бесполезным (франц.).

⁵⁰ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 842 // Пушкин: Исследования и материалы. А., 1991. Т. 14. С. 154.

⁵¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 133. Чтение «juillet» Анненковым не рассматривалось.

⁵² См.: Гаевский В. П. Из пушкинской переписки: Письма Пушкина о «Борисе Годунове» // Вестник Европы. 1881. № 2. С. 649; Срезневский В. И. Автографы Пушкина, поступившие в библиотеку Императорской Академии наук в 1903 году // Пушкин и его современники. СПб., 1904. Вып. 2. С. 9; Пушкин А. С. Соч.: Переписка. Т. 2. С. 86; Пушкин А. С. Письма. Т. 2. С. 63, 331.

ная дата.⁵³ Б. В. Томашевский и Ю. Г. Оксман, оба исключившие это письмо из корпуса переписки, вернулись к дате «30 января 1829».⁵⁴

Дату «30 июня 1829», несомненно, следует отвергнуть, как время личного общения Пушкина с Раевским, когда писать развернутое письмо о трагедии не было надобности. Однако дата «30 января 1829» тоже неприемлема, поскольку письмо по содержанию вообще не подходит к 1829 году. Первая его фраза («Вот моя трагедия, раз уж вы непременно хотите ее иметь...» — XIV, 46, 395; ориг. по-франц.) предполагает, что вместе с письмом Раевскому посылается рукопись «Бориса Годунова». Экземпляр трагедии, с которым Пушкин был бы готов (даже и временно) расстаться, мог у него оказаться только после 21 января 1830 года, когда Бенкендорф возвратил ему поданные в III Отделение на повторную высочайшую цензуру переписанный исправленный текст «Бориса Годунова» и первоначальную рукопись «михайловской» редакции. То, что Пушкин собирался послать Раевскому именно «михайловскую» рукопись, сохранив у себя более поздний, переработанный текст, следует из его оговорки по поводу «площадного» стиля некоторых сцен: «...что касается грубых непристойностей, не обращайтесь на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой же переписке» (Там же).⁵⁵ В подготовленной в 1829 году рукописи эти места, несомненно, уже были смягчены. Что же касается авторской даты «1829» под текстом письма, то ее следует считать опiskeй, вполне понятной в январе 1830 г. В пользу этого предположения, как нам представляется, говорит и исправление в помете: Пушкин замечает

---

⁵³ «30 января или 30 июня 1829 г. Петербург или Арзамус» (XIV, 46). Из положения в корпусе относительно других писем можно заключить, что редакция (подготовка текста Д. П. Якубовича, редактор тома Н. В. Измайлов) склонялась к дате «30 июня 1829», впоследствии принятой также Я. А. Левкович (см.: Левкович Я. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 842. С. 154) и в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (Т. 3. С. 74).

⁵⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 163; здесь и во всех переизданиях десятитомника под редакцией Б. В. Томашевского напечатано в составе набросков предисловия к «Борису Годунову»; Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 295; здесь помещено под заглавием «Письмо о "Борисе Годунове"» в том «Критика и публицистика» с мало обоснованным пояснением: «Статья эта является литературной переработкой неоправленного письма к Н. Н. Раевскому, написанного летом 1825 г.» (Там же. С. 534).

⁵⁵ Это касается некоторых выражений в прозаических сценах «Корчма на литовской границе» и «Равнина близ Новгорода-Северского». Вторую сцену Пушкин, кстати, точно не читал Раевскому при их свидании летом 1829 года: в авторизованной копии ПД 892, сделанной в Москве осенью 1826 года, — единственной рукописи «Бориса Годунова», которая могла быть у Пушкина с собой во время кавказской поездки, — переписаны только начальные реплики (описание копии см.: АПСС. Т. 7. С. 578–579).

ошибку, но случайно вычеркивает указание на место (которое, казалось бы, трудно перепутать) вместо указания на год. Таким образом, нам представляется возможным датировать это письмо 30 января 1830 года (в июне или июле ошибка в годе представляется маловероятной, да и ситуация с предисловием к трагедии получила некоторое развитие, о чем будет сказано ниже). В этом письме Пушкин прямо говорит об отказе в данный момент писать предисловие («Создавая моего "Годунова", я размышляя о трагедии — и если бы вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал...»), хотя не исключает в принципе для себя такой возможности («Прошу вас, сохраните его, так как оно мне понадобится, если черт меня попутает написать предисловие». — XIV, 48, 396; ориг. по-франц.).

Линейка текстов, начатая 19 июля 1829 года, завершается 30 января 1830 года. Первые шесть набросков, напечатанные в томе нового собрания сочинений Пушкина после текста «Бориса Годунова», не имеют отношения к якобы готовившемуся Пушкиным предисловию. Все они так или иначе, по нашему мнению, связаны с эпистолярным обращением Пушкина к Н. Н. Раевскому. Конечно, этот замысел носил программный характер, как свидетельствуют оба его более или менее развернутых варианта, русский («Благодарю вас за участие...») и французский (письмо от 30 января 1830 года), почти полностью лишенные характеристик частного письма (включая и традиционное обращение к адресату). Однако можно с уверенностью сказать, что он не предполагал публикации.

Последний набросок <7> («*Pour une préface...*») должен быть вообще исключен из нашего рассмотрения. В новом издании он обоснованно датирован второй половиной 1835-го — 1836 годом (см.: АПСС. Т. 7. С. 731) и напечатан в числе предполагаемых набросков предисловия лишь по некоторой издательской «инерции». Он, действительно, предназначался «для предисловия», но предисловия к чему? Во всяком случае, из его текста никак не следует, что речь идет о «Борисе Годунове».

Ни письмо, ни трагедия не были посланы Раевскому.⁵⁶ Возможно, Пушкин не очень понимал, где в настоящее время находится

⁵⁶ Это подтверждается и тем, что «михайловская» рукопись, которую Пушкин планировал послать с письмом, в какой-то момент оказалась у барона Е. Ф. Розена, который 19 июля 1831 года писал С. П. Шевыреву, что перевел всю трагедию «с рукописи автора» (Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. Кн. 2. № 5. С. 47). Перевод Розена неизвестен, но из отрывков, впоследствии включенных в его статью о «Борисе Годунове» в «Dorpat. Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russland» (Dorpat, 1833. Bd. 1), два — песня Ксении и сцена «Ограда монастырская» — указывают именно на «михайловскую» редакцию трагедии.

адресат. 24 марта 1830 года из Москвы Пушкин испрашивал через Бенкендорфа высочайшего разрешения, если Раевский придет в Полтаву, навестить его там, но получил отказ (XIV, 73, 75, 403–404; ориг. по-франц.).

В заключение следует сказать о том, как развивалась тема предисловия к трагедии дальше. 4 или 5 мая 1830 года Пушкин, получив наконец позволение печатать «Бориса Годунова» под своей личной ответственностью, спрашивает Плетнева: «Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать *Годунова* в первобытной красоте... <...> Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал<ександру> Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется, неприлично. Как ты думаешь? реши». В этом же письме Пушкин отвечает на предложенные Плетневым в письме от 29 апреля 1830 года условия договора с А. Ф. Смирдиным: уступить Смирдину право на все ранее изданные произведения на четыре года. «Заключай условия, какие хочешь, только нельзя ли вместо 4 лет 3 года — выторгуй хоть 6 месяцев. Не продать ли нам Смирдину и трагедию?» (XIV, 89–90⁵⁷). По-видимому, в связи с договором со Смирдиным в пушкинской рабочей тетради ПД 839 появляются два плана издания собрания сочинений, в первом из которых, написанном 12 или 13 мая 1830 года, фигурирует «Трагедия с *Notами* и предисл<овием>».⁵⁸ Можно полагать, что предисловие к трагедии на этом этапе мыслилось Пушкиным как полемический текст, и его желание «раздавить Булгарина» вполне понятно из обстоятельств последних месяцев: скандала вокруг булгаринского «Дмитрия Самозванца», в котором находили прямые заимствования из «Бориса Годунова», появления в «Северной пчеле» пасквильного «Анекдота» (11 марта 1830) и разгромной рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина» (22 марта и 1 апреля 1830).⁵⁹ Однако это намерение не встретило отклика у Плетнева: «Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще, а не предикою из темы о блудном сыне Булгарине...» И далее Плетнев предлагал Пушкину план целого «трактата о Шекспире» (XIV, 93).

⁵⁷ Уточнение датировки предложено Я. А. Левкович (см.: Левкович Я. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2003. Т. 16–17. С. 60–61).

⁵⁸ См.: Рукою Пушкина. С. 184–185; Левкович Я. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839: (История заполнения). С. 63.

⁵⁹ Подробнее см.: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 450–452 (примеч. Е. О. Ларионовой).

Из дальнейшей переписки можно заключить, что в намерения самого Пушкина не входило никакое теоретическое объяснение и обоснование своей пьесы, однако он вполне допускал подобное предисловие. Только автором его должен был стать сам Плетнев. В письме к Плетневу из Болдина от 9 сентября 1830 года Пушкин пишет: «Что моя трагедия? я написал маленькое элегическое предисловие, не прислать ли тебе его? Вспомни, однако ж, что ты обещал мне свое: дельное, длинное» (XIV, 113). «Маленькое элегическое предисловие», написанное Пушкиным, до нас не дошло, и усилия разных исследователей примерить к этому определению тот или иной из семи рассмотренных выше набросков следует признать бесперспективными. Как нам представляется, оно было связано с посвящением трагедии Жуковскому, от чего Пушкин в последний момент отказался. Около 29 октября он писал Плетневу из Болдина: «Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе

Драгоценной для Россиян
памяти
Николая Михайловича
Карамзина...»
и т. д. (XIV, 118)

Е. О. Ларионова

«ЧТО-ТО СЛЫШИТСЯ РОДНОЕ...» О пушкинских стилизациях народных песен

В 1831 году А. С. Пушкин с С. А. Соболевским задумывали издать собрание русских народных песен. Спустя четыре года, передавая П. В. Киреевскому свои записи, Пушкин предупредил: «Там есть одна моя, угадайте!»¹ Из этих песен — с примечанием: «Нельзя ручаться, чтоб эта песенка не была составлена самим Пушкиным», — П. В. Анненковым была напечатана такая:

¹ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851–1860 годах / Вступ. ст. и примеч. М. А. Цявловского. [Л.], 1925. С. 53.